

Цѣна отд. № — 15 коп.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 6

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1913

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

11 ЮЛЯ.

На годъ — 6 руб. 50 коп.; на полгода — 3 руб. 25 коп.; на три мѣсяца — 1 руб. 75 коп.; на 1 мѣсяць — 60 коп.

Цѣна объявленій за строку нонпарели 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: СПБ., Невскій пр., 98. Телефонъ № 59-07.

Журналъ выходитъ подъ редакціей **Аркадія Аверченко**, при ближайшемъ участіи А. Радакова, Ре-Ми, А. Яковлева и А. Юнгера, а также всего состава прежнихъ сотрудниковъ.

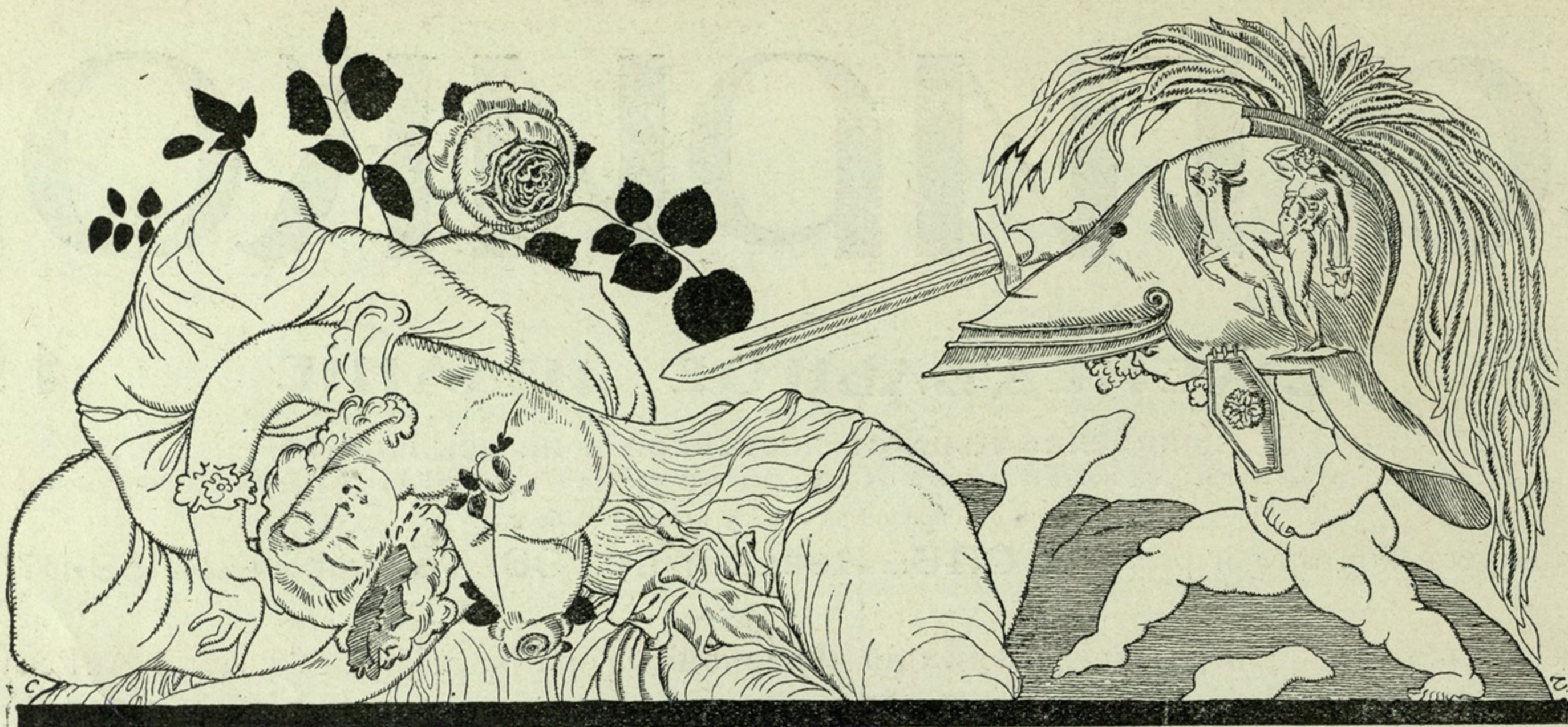
У НАРОДНАГО ИЗБРАННИКА, ПРИБЪХАВШАГО НА МѢСТА.

Рис. Ре-Ми.

Избиратель: — А что, депутатъ можетъ меня принять?

Лакей: — Можетъ. Палочку потрудитесь оставить въ передней.

ГОСТИЙ ФОНД
НЕНУЖНАЯ.

Новосибирская
областная научная
БИБЛИОТЕКА
№8717110/7565

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Рыцарь свистка.

У ней была своя весна
И страсть, исчезнувшая кротко.
Она, пожалуй, недурна
И не такая идиотка...

А просто — счастья не взяла —
И — такъ, по собственной охотѣ,
Нелѣпо какъ-то замерла,
Завязнувъ въ жизни, какъ въ болотѣ.

Съ утра принявъ небрежный видъ,
Взглянувъ на зеркало влюбленно
— Какъ дождевой червякъ виситъ
На грязной трубкѣ телефона.

Звонитъ ко всѣмъ — и даже къ тѣмъ,
Съ кѣмъ не видалась больше года:
— Алло!.. Ахъ вы?.. Я?.. Сплю и ѣмъ...
Тоска... Да... Мерзкая погода...

И, сномъ чужимъ не дорожа —
Считаться съ временемъ не станеть:
Она съ шестого этажа
Своимъ звонкомъ съ утра потянетъ.

Устала. Ляжетъ. Отдохнетъ,
Бездѣлю тихому покорна,
Потомъ, до блеска, ногти третъ
Какой-то щеточкой — упорно.

Обѣдать сядетъ — аппетитъ
Давно пропалъ. Уныло. Жарко.
И только вилкой ворошить
Великолѣпную пулярку.

Подъ вечеръ — какъ-то оживетъ
И одѣваться бодро станеть:
Сейчасъ гулять она пойдетъ —
Вдругъ сердце чье — нибудь изранить?..

Гуляетъ. Тянется, какъ нить,
Толпа шумливыхъ. Одиноко.
Ну что-жъ... Опять пойдетъ звонить:—
До сна еще вѣдь такъ далеко...

Придетъ и ляжетъ на диванъ.
Пока вечерній сумракъ таетъ,
Она потрепанный романъ
Минуть пятнадцать почитаетъ.

И такъ всегда, всегда — всѣ дни,
И безъ надежды на иное...

Отъ паразитовъ — Богъ храни,
А отъ ненужныхъ — вдвое!..

Арк. Буховъ.

Заслуженный артистъ Императорскихъ театровъ
В. Н. Давыдовъ рассказываетъ объ инцидентѣ съ
нимъ въ Ростовѣ н/Д.

Представитель В. Н. Давыдова явился къ мѣстному помощ-
нику полицеймейстера для подписанія афиши.

— Я вамъ афиши не подпишу, — заявилъ представитель
власти.

— Почему?

— Давыдовъ иудейскаго исповѣданія и права жительства въ
Ростовѣ не имѣетъ...

— Но позвольте. Онъ заслуженный артистъ Император-
скихъ театровъ.

— Знаемъ мы этихъ заслуженныхъ... Просто жидъ!..

Представитель В. Н. Давыдова всячески сталъ доказывать
помощнику полицеймейстера, что онъ ошибается.

Послѣ долгаго увѣщеванія помощникъ полицеймейстера
заявилъ:

— Я подпишу афишу, но вы обязаны мнѣ выдать записку съ
удостовереніемъ, что В. Н. Давыдовъ не иудейскаго исповѣданія.

И заставилъ. И выдали.

Про ростовскаго помощника полицеймейстера
можно сказать прямо и откровенно, что у него: губа
не дура.

Губа. И только.

Какъ мало... Какъ мало.

Такой большой мужчина и такая маленькая губа.

Великій русскій языкъ...

Забота о чистотѣ русскаго языка:

Надъ окошечкомъ, куда подаются телеграммы въ Симферо-
польской П.Тел. К., находимъ объявленіе: „Гл. Упр. почтъ и
телеграфовъ разъясняетъ, что малоупотребительныя (!) въ русск.
яз. выраженія, какъ „срочите“, „почтуйте“ и „багажируйте“, не
могутъ считаться сокращеніями и въ телеграммахъ принимаемы
не будутъ“.

Симферопольская почтово-тел. контора забыла еще
одно такое же, какъ „почтуйте“, „багажируйте“ — слово.

Это слово:

— Здравствуйте.

Совѣтуемъ симферопольской конторѣ не подда-
ваться на удочку хитрыхъ симферопольцевъ, уличать
ихъ и исправлять телеграммы на:

— Будьте здоровы!

И сэкономятъ себѣ симферопольскіе чиновники по
пятакчу на носъ.

Новое слово.

А вотъ еще слово, которое Главное Управление
почтъ и телеграфовъ должно признать „малоупотребительнымъ“:

Нѣсколько времени тому назадъ, въ г. Никольскѣ-Уссурий-
скомъ имѣлъ мѣсто слѣдующій печальный случай: мѣстный
священникъ о. Мичуринъ, въ церкви, позволилъ себѣ сказать
воспитанницамъ учительской семинаріи:

— Сволота!..

Правда, за разборъ этого слова, за изысканіе его
корня — и. д. Военнаго губернатора въ Никольско-
Уссурийскомъ налвортн. чиновникъ Лодыженскій поса-

диль въ тюрьму четырехъ редакторовъ газетъ, правда, самъ Лодыженскій получилъ за это отъ г. Гондатти солидную головомойку—но корень слова „сволота“ такъ и остался не выясненнымъ... И, попрежнему, сияетъ онъ загадочнымъ блескомъ на устахъ о. Мичурина, подобно „Мани, текель, фаресь“.

Сволота...

Несмѣловъ.

Въ Барнауль директоромъ классической гимназіи состоитъ г. Несмѣловъ.

Обращается къ г. Несмѣлову А. А. Урланова съ просьбой о переводѣ ея сына изъ бійской гимназіи въ барнаульскую, по мѣсту ея постоянного жительства и службы.

— А супругъ у васъ есть? — вопрошаетъ г. Несмѣловъ.

— Нѣтъ, я вдова.

— У вдовы я не приму.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Не приму, какъ хотите.

— Но скажите хотя причину, почему не принимаете?

— Отецъ-мужчина можетъ въ строгости держать и руководить сыномъ, а женщина что можетъ подѣлать? Нѣтъ, не приму!

Оправдывая свою фамилію, такъ и не осмѣлился принять Несмѣловъ сына вдовы.

— Ваше имя?

— Несмѣловъ.

— Откуда родомъ?

— Изъ города Глупова.

— Долго жили тамъ?

— Долго.

Говорятъ, что на игорныхъ столахъ въ Монте-Карло отъ долгаго тренія золота о-сукно остаются въ сукнѣ пылинки золота.

Маровихеры.

Одесскій избиратель Фингергутъ рассказываетъ, какъ въ Одессѣ дѣлаются выборы въ Городскую Думу:

Вчера, сидя возлѣ избирательной урны, я видѣлъ, какъ маленькіе списки нашей правой партіи опускались въ урну, вложенные одинъ въ другой; такихъ списковъ прошло около бо экземплярровъ. Къ шести часамъ вечера подавались записки лицами, физиономіи которыхъ я видѣлъ два-три раза подходившими къ урнѣ. До какихъ же геркулесовыхъ столбовъ дойдетъ безобразіе?—вотъ вопросъ, который интересовалъ меня. Ждать пришлось недолго: сегодня, когда избирательная урна была внесена въ залъ, распечатана и изъ нея начали доставать избирательныя записки, то одинъ изъ счетчиковъ (фамилія пока не называю) попросилъ меня посторониться и тутъ же въ открытую крышу вывалилъ изъ кармановъ цѣлую кучу избирательныхъ маленькихъ записокъ правой партіи.

Вотъ условія, при которыхъ пишущій эти строки беретъ, на пари, провести въ одесскіе лордъ-мэры Зелимъ-Хана.

Или, даже жираффу изъ зоологическаго сада — все равно.

Шайка поджигателей.

Приставъ Бузулукскаго уѣзда изловилъ трехъ опасныхъ поджигателей.

Вотъ какъ ихъ допрашивали:

„Спрошенные обвиняемые мальчики Василій Ивановичъ и Илья Семеновичъ Гоиновы (обоимъ по 6 лѣтъ) — виновными въ поджогъ себя не признали и болѣе объяснить ничего не могутъ. Неграмотные; за нихъ по просьбѣ и довѣрію росписался Иванъ Гоиновъ. Спрошенный обвиняемый мальчикъ, крестъ внѣ того же села Александръ Карповичъ Гоиновъ, 3 лѣтъ, говоритъ не можетъ и совершенно ничего не объяснилъ.“

Какая закоренѣлость!

При допросѣ преступникъ покушался на форменныя брюки пристава и въ конецъ ихъ испортилъ.

Растеть, растеть деревенское хулиганство...

Лошадн.

Вотъ какъ въ Одессѣ экзаменуютъ пригатовишекъ:

Вызываютъ, напримѣръ, девятилѣтняго мальчугана, рассказываетъ корреспондентъ „К. М.“, переутомленнаго предэкзамениціонной зубрежкой, и задаютъ ему такой вопросъ:—Какъ были запряжены лебедь, ракъ да щука?—Растерявшійся ребенокъ пугливо озирается по сторонамъ и начинаетъ беззвучно плакать.—Садитесь!—слышитъ онъ суровый приказъ. Но и и вторсй, и третій, и четвертый экзаменующійся не обнаруживаютъ болѣе догадливости. Покуда, наконецъ, какой-то капитанскій сыниска находится и бойко отвѣчаетъ:—Лебедь и щука за шею, а ракъ за хвостъ. Учитель одобрительно покачиваетъ головой и радостно ухмыляется.—А что стоитъ посрединѣ Кіева?—спрашиваетъ онъ крошечнаго рыжеволосаго

мальчугана-еврея. Тотъ напряженно думаетъ съ полминуты и нерѣшительно говоритъ:—церковь.—Садитесь! Однако и круглолицый, упитанный поповичъ выражаетъ предположеніе, что посрединѣ Кіева стоитъ церковь.—Садитесь!—Оказывается, что посрединѣ Кіева стоитъ всего на всего буква „е“.

Кромѣ того, задавались и такіе вопросы:

— Какой масти былъ Буцефалъ?

— Когда именно патріархъ Ной стоялъ внизъ головой?

Если-бы Буцефалъ находился среди экзаменаторовъ онъ былъ-бы гораздо тактичнѣе и объ экзаменаторахъ не спросилъ бы, какой они масти или когда они стоятъ внизъ головой или какъ ихъ запрягаютъ?..

Садки на мальчиковъ.

Въ „Вечерн. Биржев.“ напечатана статья о стрѣлкахъ-артистахъ, выступающихъ на сценахъ.

Одна искусница рассказываетъ о себѣ:

Когда парижской публикѣ я надоѣла, я рѣшила упражняться надъ живыми мишенями. Достичь этого было нелегко, страшно было первое время стрѣлять почти въ человѣка, руки дрожали. Одному мальчику я попала въ носъ, другому прострѣлила обѣ руки и третьему сдѣлала большую ссадину на головѣ.

Немного непонятно только: какой выстрѣлъ предпріимчивая дѣвица считала удачнымъ: когда она дѣлала промахъ или когда ловко попадала въ мальчика?

И куда потомъ дѣвались негодные къ употребленію мальчишки?

Звѣринецъ.

Выдержка изъ подлинной афиши звѣринца въ Мустамякахъ:

Звѣринецъ состоитъ изъ африканскаго льва. Африканскій левъ благородный звѣрь, который ни на кого не нападаетъ кромѣ когда принужденъ къ этому.

Прим.! Первый разъ показанъ будетъ настоящей американскій тигръ. Этотъ звѣрь кровожаднѣйшій звѣрь въ мірѣ. Онъ никогда не отпуститъ своего добыча, пока тотъ не мертвый. Тигръ не знаетъ своего надзирателя.

Прим.! Южно-американская гіена или копатель труповъ. Этотъ звѣрь прокармливается мертвечиной. Гіена одна изъ самыхъ боязливыхъ звѣрей, она никогда не нападаетъ спереди а сзади.

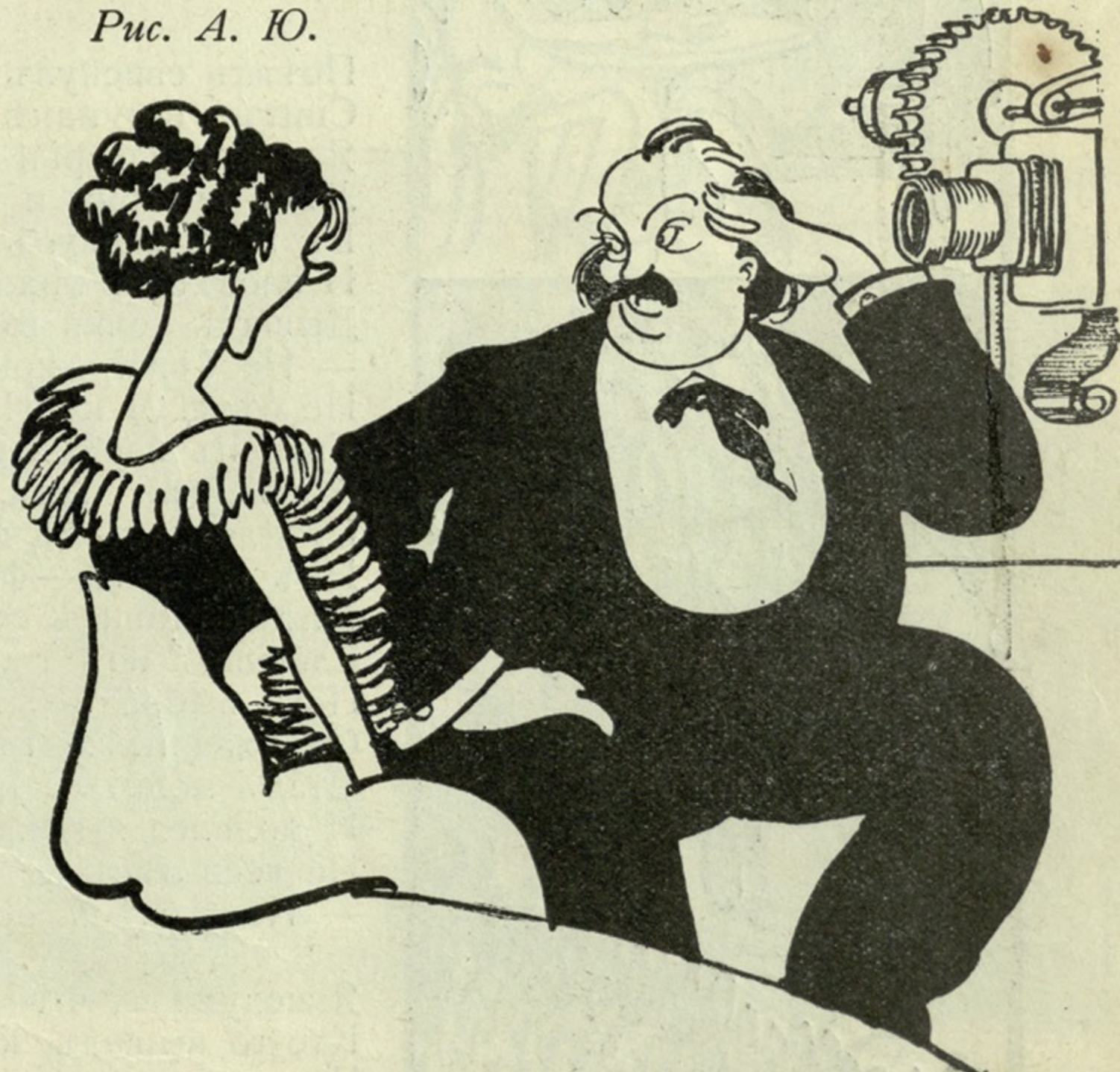
Одинъ взрослый финскій медвѣдь.

Орель-Кондоръ одинъ изъ самыхъ большихъ хищныхъ птицъ. Кондоръ летитъ съ взрослымъ заграничнымъ бараномъ безъ трудности.

Однимъ словомъ — комплектъ звѣрей полный.

Недостаетъ только взрослога заграничнаго барана безъ трудности, который бы составлялъ афиши менѣе безграмотно.

Рис. А. Ю.

ГЕНІАЛЬНАЯ ОТГОВОРКА.

— Я бы хотѣла играть у васъ для кинематографическихъ съемокъ.

— Сударыня — никакъ невозможно!

— Но почему же?

— Вы... не совѣмъ твердо выговариваете букву „р“.

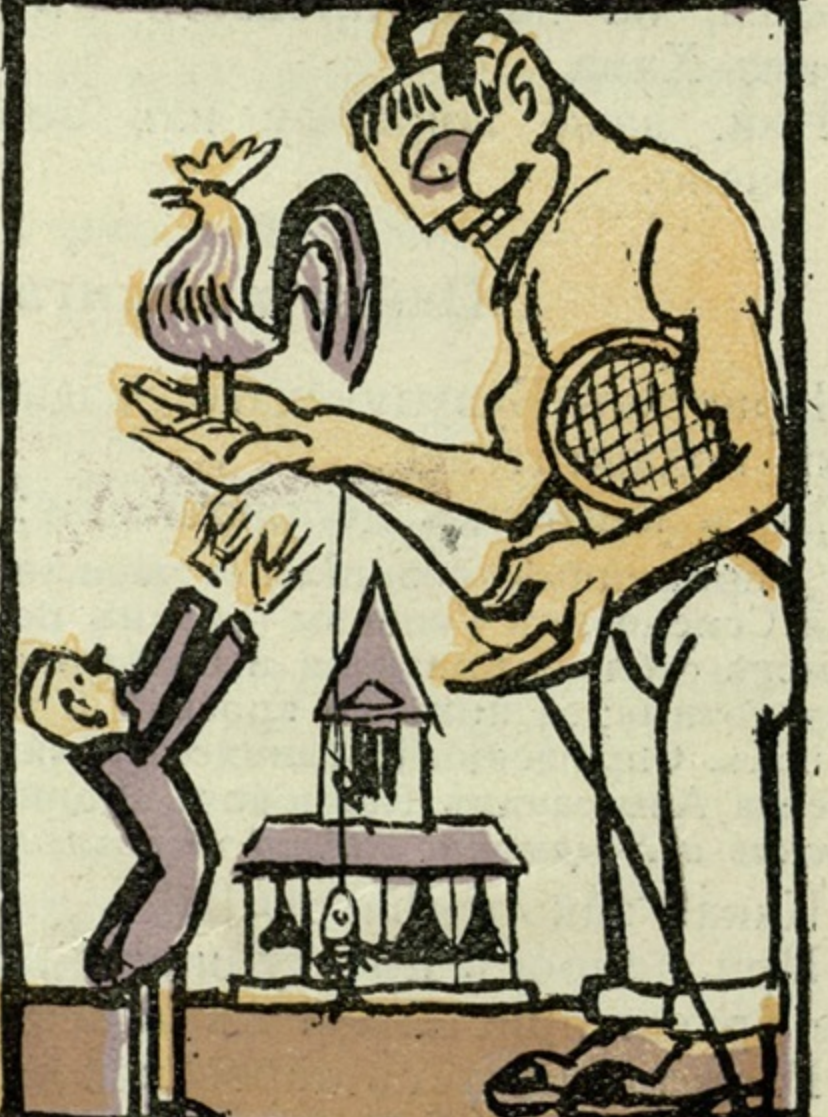

ПОИСКИ.

Потерял опять я бога,
Прочитавъ Фаддѣя Грымзу,
Нэо эго-футуриста,
Разрушителя морали.
Неужели, правъ ты, Грымза,
Что клопы нужнѣй Шекспира?
Неужели, правъ?! Возможно...
Боже! вновь въ душѣ сомнѣнья.
Нѣтъ, не сдамся ни за что я!
Панъ великій, вѣчно-юный,
Ты одинъ мнѣ будешь помощь.
Уврачуй мои ты раны,
Укачай меня, какъ нянька
Вѣчно хилаго ребенка!
Тихимъ шопотомъ деревьевъ
Убаюкай! Пусть комарикъ
Пропоеетъ мнѣ серенадку,
Свѣтлячекъ зажжетъ фонарикъ,
И луну, небесъ лампадку,
Богъ затеплитъ въ темныхъ высяхъ!!
Подъ сосной шалашъ устрою,
Скину пеструю ненужность,
Что въ разсрочку сшилъ мнѣ Мандель,
А съ души навѣки сбросивъ
Гнетъ брошюрочной морали,
Гордый тѣломъ, юный, смѣлый,
Позову къ себѣ я Пана.
Панъ! хочу, обнявъ русалку,
Панъ! хочу забыть я городъ.
Всей природы пить усладу,
Не могу я жить безъ вѣры!

Поѣздъ свиснулъ и умчался...
Спитъ въ туманѣ полустанокъ:
Я въ преддверьи царства Пана.
Лѣсъ кругомъ и тьма. Комарикъ
Въ носъ куснулъ умѣлой хваткой,
И злобѣщей лихорадкой
Дышать кочки въ ржавой жижѣ.
— Не бѣда! — кричу я зычно —
Не бѣда! Я къ Пану ближе.
Труденъ первый шагъ обычно,
А потомъ... Ахъ, чертъ, здѣсь сучья!..
Свѣтлячковъ въ поминѣ нѣту,
Имъ взамѣнъ — фонарь подъ глазомъ
Мнѣ поставилъ сукъ какой-то.
Еле-еле я изъ тины
Ноги выбралъ и на кочкѣ,
Окруженный злымъ туманомъ,
Сталъ молиться передъ Паномъ
И молился я, покамѣстъ
На весь лѣсъ не расчихался.
— Кто здѣсь есть?! — вдругъ слышу
голосъ.

Я подумалъ, что русалка.
Кто-то вышелъ, кто-то стукнулъ
Чѣмъ то твердымъ прямо по лбу,
А потомъ взмахнулъ дубиной
Страшный, мощный, смѣлый, злобный.

Черезъ мигъ сидѣлъ я голый,
И скулилъ, отъ страха ежась:
— О, зачѣмъ же такъ сурово
Панъ ты встрѣтилъ прозелита? —
Вдругъ раздался голосъ Пана:
— Жалкій, гадкій человѣчекъ,
Безъ клистира не живущій,
Безъ постели не любящій,
Смерть и жизнь въ одно не слившій.
Не тебѣ суровость лѣса,
Бури, вихри, голодъ, холодъ,
Ты безстрастіе природы
Опоганилъ нудной скорбью
И томящейся душонкой
Загрязнилъ величье лѣса.
Для тебя есть Панъ поменьше —
Дачный Панъ, куртинъ владыка,
Панъ дорожекъ и скамеекъ,
И купалень, и рѣченочъ
По плечу тебѣ придется! —
Задрожалъ весь лѣсъ отъ крика,
Мчался я быстрѣ лани,
Мчался голый къ полустанку.

Дачный Панъ! своимъ уютомъ
Успокой мои ты нервы,
Тихихъ радостей дай счастье:
Наблюдать за поплавкомъ,
У рѣки часами сидя,
Въ гамакѣ, качаясь, грезить,
По грибы ходить, купаться,
Тихимъ радостямъ крокета,
Лаунъ-тенниса, футбола
Благодушно предаваться.
Пѣтушка кормить, яички,
Изъ-подъ курочки доставши,
Сѣсть поутру на верандѣ;
Подрѣзать въ саду цвѣточки,
Вечеркомъ смотрѣть сквозь листья,
Какъ русалочка, купаясь,
Омываетъ нѣжно тѣльце.
Панъ лѣсовъ громоздокъ слишкомъ —
Я же нѣжнаго сложенья.
Вотъ промчалася недѣля,
И шепталъ я угнетенный.
Бога дѣлалъ я изъ Нитше,
Изъ Уитмана, изъ женщинъ,

А теперь я изъ футбола
Изъ крокета, изъ купалень
Захотѣлъ построить бога.
Постыдись, ты, вѣчно-чуткій,
Вѣчно ищущій надрывно,
Постыдись! Прощай Панъ дачный!
— Досвиданія. Толкнися
Къ Пану, вѣдаетъ который
Всѣми лѣтными садами.
Будеть онъ тебѣ по вкусу.

Милый Панъ садовъ открытыхъ,
Уврачуи мои ты раны!
Я усталъ, боговъ мѣняя,
Я запутался въ проблемахъ!
— Ты усталъ? Садись за столикъ
И займись пантеизмомъ:
Зелень ты найдешь въ салатѣ,
Много фауны на кухнѣ,
А русалки такъ доступны, —
Не заблудишься межъ лавровъ,
Что разставлены по саду.
Дождь пойдетъ — здѣсь есть веранда.
Словомъ тутъ — не лѣсъ дремучій. —

* * *

Долго онъ сидѣлъ съ наядой,
Толковалъ ей о страданьи
И алтарчикъ новый строилъ,
Пантеизмъ съ культурой сливши,
И назвалъ свое ученье
Нэо-эго-пантеизмомъ...
Успокоился страдалецъ,
На груди своей русалки.
А на утро съ томнымъ видомъ
Нэо-эго-пантеизма
Проповѣдывалъ проблемы
За бутылкой Кунцендорфа.
И держался этой вѣры,
И курилъ ей фиміамы
Онъ — пока въ томъ ресторанѣ
Весь кредитъ исчерпанъ не былъ...

А. Радаковъ.

Рис. Н. Радлова.

Въ Москвѣ закрылись въ знакъ
протеста противъ войны славянскія
общества.

Изъ газетъ.

НА ПОСЛѢДНЕМЪ БАНКЕТѢ.

Генераль Скугаревскій: — Господа! что вы дѣлаете, опомнитесь! Закрывать славянскія общества
когда... когда еще осталось столько недопитыхъ бутылокъ, столько недоѣденныхъ закусокъ!

ИДИЛЛИЯ У АНТРОПОФАГОВЪ.

- Мама... Я хочу кушать!..
 — Чего же тебя хочется, дѣтка?
 — Вотъ этихъ сэдвичей!

CREDO.

Въ годину тяжкихъ испытаній,
 Когда въ обломкахъ лжи и зла
 Душа людей во мглѣ скитаній
 Сама себя не обрѣла,—
 Поэтъ, спугни звучащей лирой
 Слѣды усталости на лбу
 И пошлость пламенной сатирой
 Прибей къ позорному столбу.
 Входи безъ страха въ ровъ со львами
 Подъ кровъ лачуги и дворца
 И жги горячими словами
 Обледенѣлыя сердца;
 Коснись израненныхъ губами,
 Внимай ихъ робкимъ голосамъ,
 Ищи „людей“ между рабами,
 Зови погрязшихъ къ небесамъ;
 Неси въ карающей десницѣ
 Святое пламя въ мертвой мглѣ...
 Ты — огонь, сверкающій въ темницѣ,
 Ты — голосъ неба на землѣ.
 Но, если дашь, дрожа за шкуру,
 Въ самомъ себѣ пріютъ рабу,
 То лучше самъ свою бандуру
 Прибей къ позорному столбу!

Владимиръ Воиновъ.

ЛЕГЕНДА О СТАРОМЪ ЗАМКѢ.

Придумавъ это заманчивое заглавіе, Чаплинъ лизнулъ новое перо и осторожно обмакнулъ его въ чернила.

„Это было давно, давно, когда замкомъ владѣлъ грозный рыцарь Максъ-Линдеръ-Шауфусъ-фонъ-Штакельбергъ, а его молодая супруга Анна-Матильда-Ядвига славилась равно какъ красотой и умомъ, такъ и красотостью и привѣтливостью своего обхожденія.

Максъ - Линдеръ - Шауфусъ - фонъ - Штакельбергъ былъ уже немолодъ, когда угрюмыя стѣны Замка впервые увидѣли юную Анну-Матильду-Ядвигу-Кунигунду.

— Баронесса,—сказалъ рыцарь и его холодные, какъ сталь, глаза тускло сверкнули.

— Баронесса!... Рыцарь Максъ-Линдеръ-Шауфусъ-Айзенахъ-фонъ-Штакельбергъ храбръ, жестокъ и неумолимъ, но его рыцарское слово твердо и нерушимо, какъ гранитная скала подъ его замкомъ.

Не скрою отъ васъ — я старъ. По той, можетъ быть, причинѣ и былъ противъ нашего брака вашъ дядя, благородный рыцарь Дризенъ-Бамбергъ-фонъ-

Гагеншмидтъ, чье тѣло болтается теперь на воротахъ его собственнаго замка, а также отчимъ вашъ, доблестный графъ Мальтусъ-Липшицъ-фонъ-Бингенъ, чьи стоны оглашаютъ въ данное время подземелье подъ вашей опочивальней, какъ и проклятія его мужественнаго кузена, графа Устрицъ-фонъ-Редереръ.

— Баронесса,—продолжалъ старый рыцарь глухимъ голосомъ, отъ звука котораго молодая женщина задрожала съ головы до ногъ. Баронесса, всякій, кто дерзнетъ поднять на васъ глаза, — будь это отрокъ, старецъ или юноша — онъ будетъ немедленно брошенъ въ каменный гробъ—подъ вашей опочивальней, и вопли, которые исторгнетъ у него палачъ, не преминутъ напомнить вамъ о святомъ долгѣ супружеской вѣрности. Что скажете вы на это рѣшеніе?

— Доблестный супругъ мой и благородный рыцарь,—отвѣтила кротко прекрасная баронесса.—Ваша нѣжная заботливость обо мнѣ какъ и ваше попеченіе о моемъ душевномъ спокойствіи трогаютъ меня до самой глубины моего сердца. Но не лучше-ли и не достойнѣе-ли нашихъ прежнихъ дружественныхъ отношеній къ моему отчиму, благородному графу Мальтусу-Липшицъ-фонъ-Бингену, а равно и его доблестному кузену графу Устрицъ-фонъ-Родереръ, перевести ихъ изъ-подъ нашей опочивальни въ какое-либо иное подземелье, гдѣ ихъ стоны казались-бы болѣе умѣстными, какъ и вопли тѣхъ несчастныхъ, чьи взоры хоть разъ осмѣлятся отдохнуть на моемъ лицѣ?

— О нѣтъ,—тихо, со зловѣщей усмѣшкой, покачалъ головой старый рыцарь.— О нѣтъ!

Пусть мой сынъ,—а это долженъ быть сынъ,—впервые шевельнется подъ вашимъ сердцемъ, когда оно будетъ биться отъ состраданія и ужаса за тѣхъ, кто осмѣлился противостоять волѣ рыцаря Максъ-Линдеръ-Шауфусъ-Айзенахъ-Притвицъ-фонъ-Штакельбергъ, а первый крикъ его будетъ отвѣтомъ на проклятія и стоны оскорбившихъ цѣломудріе его матери.

А теперь, баронесса, идите къ себѣ и приготовьтесь встрѣтить, какъ подобаетъ, въ первую ночь, вашего вѣрнаго слугу и господина, при чемъ не думайте о моихъ годахъ больше, чѣмъ о годахъ моего замка. Жаръ подъ золой сѣдинъ труднѣе залить, чѣмъ открытый, хвастливый пламень юноши.

Когда на часахъ замка пробило полночь, рыцарь Шауфусъ-фонъ-Айзенахъ тихо вошелъ въ опочивальню прекрасной супруги.

На этомъ Чаплинъ пока остановился и пошелъ прочитать написанное женѣ.

— Хорошо,—искренно похвалила жена Чаплина,—а чѣмъ кончается?

Смертью, — сказалъ Чаплинъ, которому было еще не вполне ясно продолженіе легенды. — Баронесса не въ состояніи вынести стонъ юношей, не смогшихъ отвернуть отъ ея дивнаго лица горящихъ желаніемъ взглядовъ, баронъ уходитъ сражаться за Освобожденіе изъ рукъ невѣрныхъ Гроба Господня... Старый замокъ порастаетъ мхомъ, все кругомъ замираетъ, и только тѣни блуждаютъ по сырмъ подземельямъ, да слышны, порой, стоны подъ опочивальней прекрасной графини. Вотъ — въ общихъ чертахъ.

— Очень хорошо, — произнесла послѣ минутнаго молчанія Чаплина. — Настоящая такая старина, жуткая и далекая, далекая.

— Съдое, пѣнистое, какъ старое вино, средневѣковіе, — кивнулъ головой Чаплинъ. — Люблю его... Старый, старый замокъ на хмурой скалѣ, крутыя узкія тропинки по краю пропасти... Вотъ закованный въ желѣзо рыцарь... Изъ окна высокой, одинокой башни машетъ платкомъ прекрасная женская рука...

— Какъ все было красиво, — грустно улыбнулась жена Чаплина. — Одни имена: Максъ Линдеръ... вотъ только, пожалуй, — Максъ Линдеръ?

— Это надо читать скорѣе и вмѣстѣ, — перебилъ съ неудовольствіемъ Чаплинъ. — А не такъ: Максъ Линдеръ... Шауфусъ... — этакъ что угодно испортить можно. Максъ - Линдеръ - Шауфусъ - Айзенахъ - фонъ - Притвицъ - Штакельбергъ, замокъ Зингеръ - Киссингенъ. Это — не Титовъ на второй Мѣщанской. Вообще, въ этомъ отношеніи иностранцы — молодцы. У нихъ любая кухарка — Луиза, Констанція, Матильда, а у насъ — Фекла, Авдотья. У нихъ Юганнъ, Генрихъ, Конрадъ, Гецендорфъ, а у насъ какой-нибудь Иванъ Ситниковъ.

— А какъ баронессу звали?

— Анна-Ядвига-Матильда-Урсула-Кунигунда.

— Марья Спиридоновна Чаплина, — подумала о себѣ Чаплина. — Да, это разница.

— Ну а какъ тебѣ нравится эта мысль — помѣстить подземелье съ пытками какъ разъ подъ опочивальней супруги? — спросилъ Чаплинъ. — Строго говоря, по современнымъ понятіямъ — идиотъ, но тогда это какъ-то кстати.

— Оно и теперь кстати, — сухо сказала Чаплина. — Только теперь любить не умѣютъ и ревновать не умѣютъ по настоящему, крупно. Все мелко, пошло, трусливо, гадко. Ну, и конечно... Иванъ Евсеичъ Чаплинъ, не все равно, что баронъ Айзенахъ-Притвицъ-фонъ-Штакельбергъ.

Она обидно и неестественно размѣялась.

— Было-бы съ кого и спрашивать.

— Баронъ здѣсь не при чемъ, — пожалъ плечами Чаплинъ. — У кого квартира, какъ у меня, въ пятомъ этажѣ, а въ подвалѣ паровое отопленіе — не очень-то здѣсь развѣдешься. Да и то, когда подъ нами жилъ твой поклонникъ Пуговкинъ (это тоже не Устрицъ-фонъ-Редереръ) и ругалъ меня по вечерамъ на чемъ свѣтъ стоитъ, ты же сама чуть квартиру не бросила.

— Ну да, еще-бы — какъ ругаться! Ругаться, какъ рыцарь или — какъ извозчикъ.

— Ругаются всѣ одинаково, — жестко вставилъ Чаплинъ.

— И ревнуютъ также всѣ одинаково? Также, можетъ быть одинаково? Сметаютъ всѣ преграды, убиваютъ за одинъ взглядъ соперниковъ?... графъ Чаплинъ-Ивановъ-фонъ-Кружкинъ!

Чаплинъ покраснѣлъ отъ обиды.

— Не могу же я стрѣлять на улицѣ въ каждаго, кто на тебя посмотреть. Что хорошо было раньше, то идиотство теперь.

— Никто тебя и не проситъ. Я только говорю, что теперь живутъ Чаплины, а раньше жили Максъ-Линдеръ-Шауфусы.

— Максъ Линдеръ и сейчасъ живъ, Шауфусъ и сейчасъ есть.

— Тѣмъ хуже... Значитъ, рыцари еще остались... Ну, да не въ этомъ дѣло...

Чаплина вдругъ остановилась, нервно сдвинувъ брови и провела пальцами по лбу, какъ будто отгоняя какую-то навязчивую, мучительную мысль.

— Я должна тебѣ кое-что сказать. Сначала думала скрыть, а теперь... теперь все равно. Вчера меня... поцѣловалъ Чашкинъ. Да, поцѣловалъ!

— За что? — спросилъ Чаплинъ.

— За что? — Чаплина болѣзненно размѣялась. — За то, что ты членъ общества потребителей, а я — дочь статскаго совѣтника. Кажется, достаточно оснований?

— Я хочу сказать, какъ это произошло? — нахмурился Чаплинъ. — Что значитъ — поцѣловалъ? — Чтобы поцѣловать женщину, надо имѣть поводъ, надо имѣть основаніе, имѣть, такъ сказать... право. Надо, по крайней мѣрѣ, быть увѣреннымъ, что со стороны женщины не будетъ оказано особаго сопротивленія, протеста...

Чаплина достала изъ-за пояса маленькіе черные часы.

— Безъ молчаливаго согласія со стороны женщины ни одинъ мужчина, а въ особенности такой Чашкинъ, какъ-бы онъ ни былъ наглъ, не осмѣлится...

— Убьешь ты его или нѣтъ? — перебила Чаплина. — Или такъ будешь до завтра разговаривать?

— Да, можетъ быть, ты врешь? — недовѣрчиво спросилъ Чаплинъ.

— Нѣтъ не вру.

— Гм... Какъ же это все случилось? Ну, вотъ здѣсь — ты, здѣсь — онъ... Что же онъ такъ прямо, ни съ того ни съ сего подошелъ и поцѣловалъ?

— Такъ прямо. Въ губы.

— Ну, а ты что? Сопротивлялась или что? Да говори же, наконецъ — что изъ тебя каждое слово тянуть приходится! Ну?!

— Подошелъ, обнялъ, поцѣловалъ, — деревяннымъ голосомъ произнесла Чаплина. — Потомъ еще разъ поцѣловалъ и еще. Три раза.

— Ну а ты?

— Я не знаю что — я.

— Я тоже не знаю.

Чаплинъ горько усмѣхнулся.

— Значитъ, другими словами, ты не сопротивлялась? Разъ ты не дала ему по физиономіи, не обругала, не звала на помощь — значитъ ты не сопротивлялась. Такъ?

— Такъ...

— Почему же ты не дала ему по физиономіи?

Чаплина потупилась.

— Я не знаю. Можетъ быть ты... дашь?

— Могу и я. Было-бы, конечно, умѣстнѣе, если-бы сдѣлала это ты, какъ лицо непосредственно заинтересованное, но разъ ты сама не догадалась... Я его навѣрное, завтра въ театрѣ увижу, вотъ, кстати, и дамъ.

— Ну что же — дай. А можетъ быть лучше, если руки ему не подать — это какъ-то культурнѣе.

— Можно и руки не подать. Хотя это такая скотина, что, вѣроятно, и не замѣтитъ. Отъ него все, какъ отъ бегемота, отскакиваетъ.

— Такъ тогда проще ничего не дѣлать? — посоветовала Чаплина. — Плюнь.

— Ты думаешь?... — задумчиво спросилъ Чаплинъ.

* * *

Мирно спитъ творецъ легенды Чаплинъ.

Не спитъ и томится его жена...

Измѣнить или не измѣнить Чаплину съ Чашкинымъ?

Если измѣнить — не убьетъ Чаплинъ Чашкина и не поѣдетъ биться за освобожденіе Гроба Господня.

Если не измѣнить — тоже не убьетъ и сражаться не поѣдетъ съ невѣрными.

Не страшно женѣ Чаплина.

Такъ не страшно, что обидой и болью сжимается ея сердце.

Счастливая Анна-Ядвига-Урсула-Кунигунда...

Господи! Вѣдь жили же люди!.. Вѣдь жили же...

Георгій Ландау.

Рис. Д. Митрохина.

Д. Митрохина.

НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ.

— Нынѣшніе молодые люди удивительно несообразительны. Я ему намекаю, что хотѣла бы имѣть четвероногое, на которомъ ѣздить, а онъ приводитъ мнѣ собаку и увѣряетъ, что эскимосы не знаютъ другого способа передвиженія!..

ВЪ ДАЧНОЙ „ТАНЦУЛЬКѢ“.

Онъ: — Вы замѣчаете: какъ будто, дуетъ?... Откуда-то снизу, а?

Она: — Ахъ! это вы, вѣроятно, на мой вѣтеръ сѣли.

ДВОЙСТВЕННОЕ СОГЛАСІЕ.

— Наконецъ-то, Сербія и Болгарія сошлись во взглядахъ...

— ?!!!

— Обѣ считаютъ другъ-друга жуликами.

SENTENZ.

Ребенокъ, играющій у ногъ старца, подобенъ каравану, застигнутому самумомъ.

Вилмукинъ.

НАША ВЗЯЛА.

Националисты всегда побѣждаютъ противниковъ въ политической борьбѣ.

Даже если кто либо, гдѣ либо, когда либо — возьметъ взятку, они радостно кричатъ:

— Наша взяла!

А.

ИТОГИ.

Поманили калачемъ,
Посулили: „Испечемъ!“;
Демонстрировали тѣсто,
Демонстрировали печь
И, осиливъ духъ протеста,
Завели такую рѣчь:
— „Для нашего Исайки
Хороши и сайки!“

„Замѣсть калача да — шишъ!“

Джо.

ПАСТУШКИ.

(Коллективный рисунок Мисс, Д. Митрохина и Ре-ми).

Первый периодъ. — Прекрасная Психея! О, взгляни на василечекъ своимъ прекраснымъ взглядомъ, срвѣзь, къ устамъ я поднесу его и тихо, тихо буду умирать отъ счастья.

Второй периодъ. — Прекрасная Лизета, васильки вчера вы дали мнѣ на память. Ахъ, милая, цвѣты не радуютъ меня... Что толку въ нихъ, — мнѣ розы устъ милѣе, и пылко я хочу, чтобъ васильки твоихъ прекрасныхъ глазъ закрылись въ томности, чтобъ розы устъ твоихъ я рвалъ безъ счета.

Последній периодъ. — Эй, тетка! подь сюда... «Гы, гы...» Вотъ васильковъ тебѣ нарвалъ, на сороковку дашь, „Матаней“ распотѣшу. Удрала шалая кобыла...!

ШЕСТНАДЦАТИЛѢТНЕЙ.

Ахъ, тебѣ всего, всего шестнадцать,
Хрупкость дѣтская въ плечахъ твоихъ.
Но умѣешь тонко улыбаться,
И любила женственно троихъ.

Низколобый фатъ и сладострастникъ
Смялъ твою застѣнчивую грудь,
Взялъ и бросилъ на звѣриный праздникъ
Дѣвочку, расцвѣтшую чуть-чуть.

Горекъ пылъ твоей незрѣлой страсти.
Изгибаясь, оттягчая взоръ, —
Ты душой причастна къ высшей кастѣ
И похожа на сильфиду горь.

И глаза — они солгать не могутъ —
Слишкомъ въ нихъ прозрачна синева.
И тоскливо-нѣжную тревогу
Навѣвають всѣ твои слова.

Ты устанешь, ты увянешь рано, —
Столько хищныхъ стережетъ вокругъ.
Ахъ, сотри бѣлила и румяна,
Отыщи нетронутыхъ подругъ.

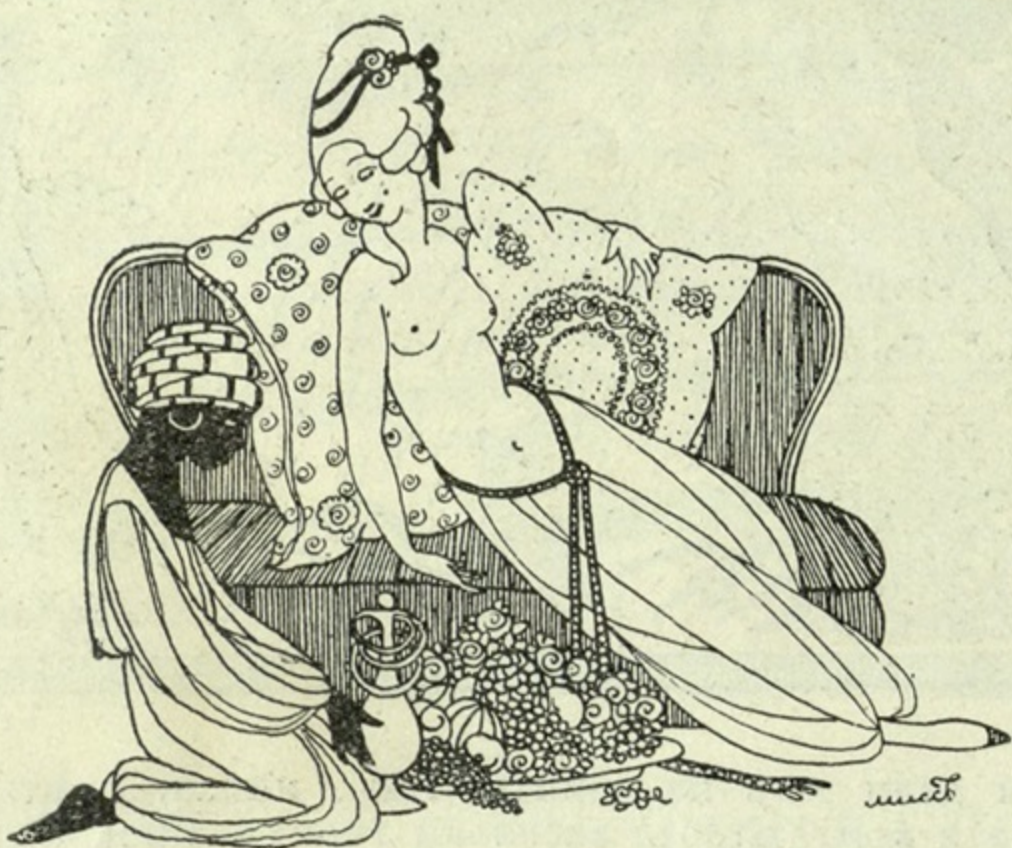
Прокляни меня за то, что плачу,
Что хочу тебя сравнить съ цвѣткомъ...
Я не мало жалкихъ словъ потрачу, —
Прокляни меня, какъ всѣхъ потомъ...

А пока еще не очень жутко, —
Позабудься. Я тебѣ спою:
„Баю, дѣтка, отдохни, малютка“...
Такъ я совѣсть усыплю мою.

И оставлю на щекѣ натертой
Съ поцѣлуемъ влажно-горькій слѣдъ...
Можетъ быть, ты скажешь: — „Тотъ-
четвертый“ —
Быль такой чувствительный поэтъ...

Д. Цензоръ.

Рис. Миссъ.

БЕЛЬМЕСОВЪ.

I.

— Иванъ Демьянычъ Бельмесовъ, — представила хозяйка.

Я назвалъ себя и пожалъ руку человѣка неопредѣленной наружности — сѣроватаго блондина, съ усами, прокопченными у верхней губы табачнымъ дымомъ, и густыми бровями, изъ-подъ которыхъ вяло глядѣли на Божій мѣръ сухіе, безъ блеска глаза тоже табачнаго цвѣта, будто дымъ отъ вѣчной папиросы прокопчилъ и ихъ. Голова — шишомъ, покрытая очень рѣдкими толстыми волосами, похожими на пеньки срубленнаго, но не выкорчеваннаго лѣса. Все: и волосы и лицо и борода было выжженно, обезцвѣчено — солнцемъ не солнцемъ, а просто само по себѣ человѣкъ ужъ уродился такимъ тусклымъ не выразительнымъ.

Первыя слова его, обращенныя ко мнѣ, были такіе:

— Фу, жара! Вы думаете, я какъ пишушь?

— Что такое?

— Вы думаете, какъ писать мою фамилію?

— Да какъ же: Бельмесовъ?

— Сколько «с»?

— Я полагаю — одно.

— Нѣтъ-съ, два. Моя фамилія полуфранцузская. Бель-месовъ. Въ переводѣ — прекрасная обѣдня.

— Почему же русское окончаніе?

— Потому что я всетаки русскій, какже! Ахъ, Марья Игнатьевна, — обратился онъ, вплеснувъ руками, къ хозяйкѣ. — Я сейчасъ только съ дачи, и у насъ тамъ, представьте, выпалъ градъ величиной съ орѣхъ. Прямо ужасъ! Я захватилъ даже съ собой нѣсколько градинъ, чтобы показать вамъ. Гдѣ, бишь, онѣ?... Вотъ тутъ въ карманѣ у меня въ спичечной коробкѣ. Гм!.. Чтобы бы это значило? Мокрая...

Онъ вынулъ изъ кармана совершенно размокшую спичечную коробку, брезгливо открылъ ее и съ любопытствомъ заглянулъ внутрь.

— Кой чертъ! Куда жъ онѣ подѣвались. Я самъ положилъ шесть штукъ. Гм!.. И въ карманѣ мокро.

— Очень просто, — засмѣялась хозяйка. — Ваши градины растаяли. Нельзя же въ такую жару безнаказанно протаскать въ карманѣ два часа кусочки льду.

— Ахъ, какъ это жалко, — сказалъ Бельмесовъ, опечаленный. — А я-то думалъ вамъ показать.

Я взглянулъ на него внимательно и сказалъ про себя:

— Однако-же, и хорошій ты гусь, братецъ мой. Очень интересно, чѣмъ такой дуракъ можетъ заниматься?

Я спросилъ по возможности деликатно:

— У васъ свое имѣніе? Вы помѣщикъ?

— Гдѣ тамъ, — махнулъ онъ костистой, съ ревматическими узлами на пальцахъ, рукой. — Служу, государь мой. Состою на службѣ.

Очень у меня чесался языкъ спросить: «на какой»? но не хотѣлось быть назойливымъ.

Я взглянулъ на часы, попрощался и ушелъ.

II.

О Бельмесовѣ я совершенно забылъ, но на дняхъ, придя къ Марьѣ Игнатьевнѣ, засталъ его за чаемъ, окруженнаго тремя стариками, которымъ онъ что-то оживленно рассказывалъ.

— Франція, Франція! Что мнѣ ваша Франція! Да у насъ въ Россіи есть такіе капиталы, обрѣтаются такіе богачи, которые Франціи и не снились. Только потому, что мы скромнѣе, никуда не лѣземъ, ничего не кричимъ — о насъ и не знаютъ. А во Франціи этотъ Ротшильдъ, что-ли, все время на томъ и стоитъ, чтобъ какуюнибудь штуку позаковыристе выкинуть. Купить тысячу какихънибудь тамъ бѣлыхъ собакъ, написать краской на брюхѣ у каждой «Вивъ ля франсъ!» да и выпустить на улицу. А парижане и рады. Или яхту купить, придѣлаетъ къ ней колеса, да по Нотр-Даму и катается съ неграми. Этакъ, конечно, всякій обратитъ вниманіе... А у насъ народъ тихій, безъ выдумки, безъ скандалу. Хе! Богачи, богачи... Слышалъ-ли, напримѣръ, кто-нибудь изъ васъ о такомъ волжскомъ помѣщикѣ — Щербакинѣ?

— Нѣтъ, не слышали, — отозвался одинъ изъ стариковъ. — А что?

— Да какже... Расскажу я вамъ такой случай: ѣду я пароходомъ по Волгѣ. Проѣзжаемъ мы однажды приблизительно этакъ по Мамадышскому уѣзду. Выхожу я утромъ, умывшись и написавшись чаю, на палубу, смотрю на берегъ, спрашиваю: Чья земля? — „Помѣщика Щербакина“. — Хорошо-съ. Проходитъ этакъ часа два. Я уже успѣлъ позавтракать. Брожу по палубѣ, взглянулъ на берегъ: „Чья земля?“ Отвѣчаютъ тамошніе волжскіе пассажиры: „Помѣщика Щербакина“. Ого, думаю. Экъ тебя разбросало. Съѣлъ я обѣдать, съѣлъ, что полагалось, выпилъ двѣ рюмки водки, пошелъ для моціону бродить по пароходу. Спрашиваю: „Чья земля?“ — „Помѣщика Щербакина“. — Что за чертъ, думаю. Очевидно, миллионеръ, а я о немъ ничего не слышалъ. Спрашиваю: „Богатый?“ — „Нѣтъ, говорятъ, такъ... средней руки“. Что жъ вы думаете? И ночью я спрашивалъ — „Чья земля?“ — и на другой день утромъ — все говорятъ: „Помѣщика Щербакина“. И это у нихъ называется „помѣщикъ средней руки“... Вотъ это — края! Какіе же у нихъ должны быть „помѣщики большой руки“.

— Что жъ, долго еще тянулись „земли помѣщика Щербакина“ — недовѣрчиво спросилъ я.

— Да до самаго обѣда слѣдующаго дня. Тутъ какъ разъ другой пароходъ подошелъ, насъ съ мели снялъ, поѣхали мы — тутъ скоро Щербакинскія земли кончились.

— А вы долго на мели просидѣли? — спросил рыжий старикъ.

— Да, сутки съ лишнимъ. Чуть не два дня. Волга то лѣтомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ мелѣетъ, что хоть плачь. Чуть пароходъ мелко сидитъ въ водѣ — сразу же и сядетъ. Которые глубоко сидятъ въ водѣ, тѣмъ легче...

— То есть, наоборотъ, — поправилъ рыжий.

— Ну, да, то есть, наоборотъ, которые мельче пароходы, тѣмъ труднѣе, а глубокіе ничего... Да-съ. Вотъ вамъ и Ротшильдъ!

Я всталъ, отозвалъ хозяйку въ сторону и сказалъ:

— Ради Бога! Откуда у васъ появился этотъ осель?

Марья Игнатьевна немного обидѣлась.

— Почему же осель? Человѣкъ, какъ человѣкъ.

— Но вѣдь у него мозги чугунные.

— Не всѣмъ же быть писателями и сочинять рассказы, — сухо замѣтила она. — Во всякомъ случаѣ, онъ приличный человѣкъ, хоть звѣздъ съ неба и не хватаетъ.

Я пожалъ плечами, отошелъ отъ нея и подошелъ сейчасъ же къ отбившемуся отъ компаніи старичку въ вицмундирѣ, съ какой-то бѣлой звѣздой, выглядывавшей изъ-подъ лацкана вицмундира.

— Кто такой этотъ Бельмесовъ? — нетерпѣливо спросилъ я.

— А какже! У насъ же служить.

— Да чѣмъ? Что онъ дѣлаетъ?

— А какже. Инспекторомъ у насъ, въ уѣздномъ училищѣ. Гдѣ я директоромъ состою. Дока.

— Это онъ-то дока?

— Онъ. Вы бы посмотрѣли, какъ онъ на экзаменахъ учениковъ спрашиваетъ. Любо-дорого посмотрѣть. Ужъ его не надуешь, не проведешь за носъ. Енъ, какъ говорится, достанетъ. Посмотрѣли бы вы, какимъ онъ орломъ на экзаменѣ...

— Много бы я далъ, чтобы посмотрѣть! — вырвалось у меня.

— Въ самомъ дѣлѣ хотите? Это можно устроить. Завтра у насъ, какъ разъ, экзамены, — приходите. Постороннимъ, правда, нельзя, но мы васъ за какогонибудь почетнаго попечителя выдадимъ. Вы же, кстати, и пишете — вамъ любопытно будетъ... Среди учениковъ такіе типы встрѣчаются... Умора! Смотрите, только насъ не опишите! Хе-хе! Вотъ вамъ и адресокъ. Право, пріѣзжайте завтра. Мы гласности не боимся.

III.

За длиннымъ столомъ, покрытымъ синимъ сукномъ, сидѣло пятеро. Посрединѣ любезный старикъ съ бѣлой звѣздой, а справа отъ него торжественный, свѣже накрахмаленный Бельмесовъ, Иванъ Демьянычъ. Я вскользь осмотрѣлъ остальныхъ и скромно усѣлся сбоку на стуль.

Солнце бѣгало золотыми зайчиками по потолку и по круглымъ стриженнымъ головкамъ учениковъ. Въ открытое окно заглядывали темнозеленныя вѣтки старыхъ деревьевъ и привѣтливо, ободрительно кивали дѣтямъ; „ничего, молъ. Все насвѣтъ перемелется — мука будетъ. Бодритесь дѣтки...“

— Кувшинниковъ, Иванъ, — сказалъ Бельмесовъ. — А подойди къ намъ сюда, Иванъ Кувшинниковъ... Вотъ такъ. — Сколько будетъ пятью-шесть, Кувшинниковъ, а?

— Тридцать.

— Правильно, молодецъ. Ну, а сколько будетъ, если помножить пять деревьевъ на шесть лошадей?

Мучительная складка перерѣзала загорѣлый лобъ Кувшинникова Ивана.

— Пять деревьевъ на шесть лошадей? Тоже тридцать.

— Правильно. Но тридцать — чего?

Молчалъ Кувшинниковъ.

— Ну, чего же — тридцать? Тридцать деревьевъ или тридцать лошадей?

У Кувшинникова зашевелились губы, волосы на головѣ и даже уши тихо затрепетали.

— Тридцать... лошадей.

— А куда же дѣвались деревья? — иронически прищурился Бельмесовъ. — Не хорошо, тетка, не хорошо... Было всего шесть лошадей, было шесть деревьевъ и вдругъ — на тебѣ! — тридцать лошадей и ни одного де-

рева... Куда же ты ихъ дѣлъ! Съ кашей съѣлъ или лодку себѣ изъ нихъ сдѣлалъ?

Кто-то на задней партѣ печально хихикнулъ. Въ смѣхѣ слышалось тоскливое предчувствіе собственной гибели.

Ободренный успѣхомъ своей остроты, Иванъ Демьянычъ продолжалъ:

— Или ты думаешь, что изъ шести деревьевъ выйдутъ двадцать четыре лошади? Ну, хорошо: я тебѣ дамъ одно дерево — сдѣлай ты мнѣ изъ него четыре лошади. Тебѣ это, очевидно, легко, Кувшинниковъ Иванъ, а? Что жъ ты молчишь Иванъ, а? Печально, печально. Плохо твое дѣло, Иванъ. Ступай, братъ!

— Я знаю, — тоскливо промямлилъ Кувшинниковъ. — Я училъ.

— Вѣрю милый. Училъ, но какъ? Плохо училъ. Безмысленно. Безъ разсужденія. Садись, братъ, Иванъ. Кулебякинъ, Илья! Ну... ты намъ скажешь, что такое дробь?

— Дробью называется часть какогонибудь числа. — Да? Ты такъ думаешь? Ну, а если я набью ружье дробью, это будетъ часть какого числа?

— То дробь не такая, — улыбнулся блѣдными губами Кулебякинъ. — То другая.

— Откуда же ты знаешь, о какой дробі я тебя спросилъ? Можетъ быть, я тебя спросилъ о ружейной дробі? Вотъ если бы ты былъ, Кулебякинъ, умнѣе, ты бы спросилъ: о какой дробі я хочу знать: о простой или арифметической... И на мой утвердительный отвѣтъ, что — о послѣдней — ты долженъ былъ отвѣтить: „арифметической дробью называется — и такъ далѣе“... Ну, теперь скажи ты намъ, какія бываютъ дробі?

— Простыя бываютъ дробі, — вздохнулъ обезкураженный Кулебякинъ, — а также десятичныя.

— А еще? Какая еще бываетъ дробь, а? Ну, скажи-ка?

— Больше нѣтъ, — развелъ руками Кулебякинъ, будто искренно сожалѣя, что не можетъ удовлетворить еще какойнибудь дробью ненасытнаго экзаменатора.

— Да? Больше нѣтъ? А вотъ если человѣкъ танцуетъ и ногами дробь выдѣлываетъ — это какъ же? По твоему, не дробь? Видишь-ли что, мой милый... Ты, можетъ быть, и знаешь арифметику, но русскаго языка — нашего великаго разнообразнаго и могучаго русскаго языка — ты не знаешь. И это намъ всѣмъ печально. Ступай, братъ Кулебякинъ и на свободѣ кое о чѣмъ подумай, братъ, Кулебякинъ. Лысенко! Вотъ ты, Лысенко Кондратій, скажешь намъ, что тебѣ извѣстно о цѣпномъ правилѣ? Ты знаешь цѣпное правило?

— Знаю.

— Очень хорошо-съ. Ну, а цѣпное исключеніе тебѣ извѣстно?

Лысенко метнулъ въ сторону товарищей испуганнымъ глазомъ и, повѣсивъ голову, умолкъ.

— Ну, что же ты, Лысенко? Вѣдь говорятъ же: нѣтъ правила безъ исключеній. Ну, вотъ ты мнѣ и отвѣтъ: есть въ цѣпномъ правилѣ цѣпное исключеніе?

Стараясь не шумѣть, я отодвинулъ стуль, тихонько всталъ и, сдѣлавъ общій поклонъ, направился къ выходу.

Любезный директоръ съ бѣлой звѣздой тоже всталъ, догналъ меня въ передней и сказалъ, подмигивая на экзаменаціонную комнату:

— Ну, какъ?... Не говорилъ ли я, что дока. Такъ и хапаетъ, такъ и рѣжетъ. Орелъ! Да только, жалко, не жилецъ онъ у насъ... Переволятъ съ повышеніемъ въ Харьковъ. А жалко... Я ужъ не знаю, что мы безъ него и дѣлать будемъ?... Безъ орла!

Аркадій Аверченко.

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петербургъ.

Сергіевск.—Монголу.— „...Волосы у него были зеленоватаго цвѣта, губы бѣлыя и подбородокъ спускался на грудь“.

Разъ вы пишете о героѣ юмористическаго разсказа, то стѣсняться нечего: надо было для смѣху вызолотить ему носъ, а про щеки написать, что одна черная, а на другой росли зубы.

Гораздо веселѣй будетъ.

Дмитровск.—М. Н. З.— „Мы поѣхали по широкой прямой аллеѣ; въ концѣ ея мы увидѣли высокій старинный домъ, величественно парившій въ воздухъ“.

Зачѣмъ вамъ писать, когда вы можете носить ботинки собственной работы.

Не присылайте больше.

Б. Провинція.

Херсонъ.—Дику Р.—Нужно присылать рукописи поопрятнѣе. Мы дактилоскопией не занимаемся.

Автору „Инока“ и „Искуш. монахини“ (г-ну Р.)— Стихи не выдержаны. Очень много отглагольныхъ рифмъ (прочиталъ — увидалъ, пойметъ — дойдетъ, задержалъ — упалъ), много неправильныхъ удареній (подняла)... Впечатлѣніе такое, что не вы владѣете стихомъ, а стихъ — вами.

Сызрань.—Сорокъ.—Сорока говоритъ:

Вездѣ, повсюду и всегда
Поэтъ вашъ вамъ вѣщаетъ—
Отбросьте праздность, господа,
Вѣдь трудъ насъ возвышаетъ!

Вотъ видите. „Трудъ возвышаетъ“. А вы не потрудились даже наклеить марокъ на письмо.

Ялта.—Москвичу.— „Конечно, мечтать о славѣ у меня руки коротки“...

Къ сожалѣнію, до письменнаго стола вы ими достааете.

Кіевъ.—Сигурду Викинговичу.— „Если напечатаете эти стихи — буду дуть бѣлку и въ хвостъ и въ гриву“.

Такъ какъ стихи не подошли — просимъ ваши музыкальныя упражненія съ бѣднымъ животнымъ не ставить въ зависимость отъ появленія вашихъ стиховъ въ нашемъ журналѣ.

Ave.

Рис. А. Юнгера.

ЗАЩИТА УГНЕТЕННАГО.

Папа:—Рабочіе! Какъ вамъ не стыдно цѣлой толпой нападать на одного!?

Папа издалъ энциклику, гдѣ говоритъ, что забастовки рабочихъ противны ученію церкви.

ВИЛЛА РОДЭ

Дирекція АДЛЬФА РОДЭ
у Строганова моста.
Телеф. 77-34 и 136-60.

Сегодня полная перемена программы.

Всемирно-знаменитая труппа арабовъ 12 ВЕЗЗАНЪ 12 изъ Лондонскаго Alhambra theater. М-г АЛЬБЕРТЪ, М-ss ЛИЛИ изъ Лондонскаго theatra Hippodrome. АМЕРИ и ЖУАНИТА, аттракціонъ спорта изъ theatra Olympu. М-lle ДЕЛЬБАА, этуаль theatra Scala. CHARLES-MONTRELL. PEWITT. М-lle Тамара. Женистефи. Попова. Люси Сбреонъ. Клео де-Ліонъ. Дорисъ Пальмеръ. Сестры Рене. Горностаи и мн. др.

ЛѢТНІЙ БУФФЪ

Дирекція „ПАЛАСЪ-ТЕАТРА“.
Фонтанка, № 114.
Телефоны: кассы 416-96, конторы 479-13.
(И. Н. Мозговъ, В. А. Кошкинъ, В. Н. Пигалкинъ, М. С. Харитоновъ, Н. Н. Поликарповъ и Комп.).

СЕГОДНЯ и ЕЖЕДНЕВНО Русская оперетта

ПРИ УЧАСТИИ: Г-жъ Аренской, Варламовой. Гуріэлли, Зброж. Пашковской, Кавецкой, Лерма, Тамары, Шуваловой; Г-дъ Александровскаго, Брагина, Коржевскаго, Ростовцева и др.
Гл. режис. В. Ю. Вадимовъ. Дир. Л. Гебенъ.

Послѣ окончанія спектакля
Кафе-Концертъ до 3-хъ ч. утра
Блестящая программа!

: Новые дебюты! :

Цѣна за входъ 50 коп. Лица, взявшія билеты въ театръ, за входъ въ садъ не платятъ.

СЛОЖНЫЙ КРОВЯНОЙ ПРЕПАРАТЪ ГЕМОЗАНЪ

Невской Гигіенической Лабораторіи питательныхъ веществъ. Удостоенъ высшей награды (золотая мед.) на международной выставкѣ питательныхъ веществъ въ Лондонѣ. Рекомендуются врачами, какъ испытанное питательное и укрѣпляющее средство въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется обогатить нашу кровь составными ея частями, чтобы поднять общее питаніе, увеличить вѣсъ тѣла, улучшить аппетитъ и укрѣпить нервную систему. Гемозанъ анализированъ въ лабораторіи при Военно-Медиц. Академіи. Содержитъ органич. желѣзо, бѣлки, лецитинъ, нуклеинъ, глицерофосфаты, Гемоглобинъ и друг. Имѣетъ пріятный вкусъ какао. Примѣняется при малокровіи, ослабленіи организма, нервности, истеріи и проч. Съ большимъ успѣхомъ принимается дѣтьми. Имѣется въ лучш. аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Цѣна 1 кор.—2 р. 80 к., 1/2 кор.—1 р. 50 к. Остерегаться поддѣлокъ! Главное депо: Невскій, № 8. Невская Гигіенич. Лабораторія. Тел. 427-67. Р. С. Кефиръ, кумысъ, лактобациллинъ, болгарская простокваша. Доставка на домъ бесплатно.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ обѣдомъ и ужиномъ ?

ВЪ РЕСТОРАНѢ

„ВЪНА“

ул. Гоголя, 12. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные кабинеты. ■ Торг. до 3-хъ ч. ночи.

ГОТОВИТСЯ КЪ ВЫХОДУ ВЪ СВѢТЪ
НОВАЯ КНИГА

Тома Опискинъ Сорные травы

съ портретомъ автора и предисловіемъ АРКАДІЯ АВЕРЧЕНКО.

„Аркадій“

АВЕРЧЕНКО

Черныиъ
З...по...
въ лажу.

Складъ изданія: СПБ., Книжный складъ
„ЗЕМЛЯ“, Невскій, 55.

Продолжается подписка на 1913 г. на большую новую ежедневную, политическую, прогрессивную, безпартийную газету

„РУССКАЯ МОЛВА“

Газета ставитъ своей задачей служить борьбѣ за право и культуру, за осуществленіе стремленій прогрессивной и демократической Россіи. Въ странѣ, вопреки всѣмъ препятствіямъ, совершается непрерывный политическій, экономическій и культурный ростъ. Отразить въ себѣ это неуклонное и несомнѣнное расширеніе жизни, дать ему правильное истолкованіе— вотъ главная задача новой газеты. Общегосударственная жизнь и постоянный культурный обменъ уже объединили неразрывной духовной связью разноязычныя народности, входящія въ составъ государства. Принимаясь за новое дѣло, редакция надѣется, что найдетъ и сочувствіе, и откликъ, и живую поддержку въ тѣхъ, кто можетъ и хочетъ раздѣлять ея стремленія.

Богатство справочнаго матеріала. Широкая освѣдомленность.

Ежедневно въ справочномъ отдѣлѣ будетъ помѣщаться по возможности полный перечень новыхъ книгъ по вопросамъ специальнымъ и общественно-литературнымъ.

Въ газетѣ были помѣщены статьи слѣдующихъ авторовъ:

кн. З. Д. Авалова, священ. К. М. Агеева, С. А. Адрианова, чл. Гос. Думы А. М. Александрова, С. Я. Арефина, К. К. Арсеньева, А. А. Блока, Р. Бодуэн де Куртэнъ, Ив. Бунина, Юліи Вейсбергъ, чл. Гос. Думы Л. А. Велихова, Вережинна (Пекинъ), Н. М. Волковскаго, Юрія Верховскаго, чл. Гос. Думы П. В. Герасимова, М. О. Горшензона, С. Городецкаго, В. И. Грантъ (Парижъ), В. С. Григорьева, проф. Д. Д. Гримма, проф. Э. Д. Гримма, чл. Гос. Думы П. П. Гронскаго, П. К. Губера, Любови Гуревичъ, В. Ф. Гейдинга, В. Динзе, Н. Ф. Езерскаго, А. К. Елачина, чл. Гос. Думы И. Н. Ефремова, И. В. Жилкина, З. Н. Журавской, Бориса Зайцева, Е. А. Эпско-Боровскаго, А. П. Иванова, Э. Капелюша (Віна), проф. А. А. Кауфмана, проф. Максима Ковалевскаго, К. и О. Ковалевскихъ, проф. С. А. Котляревскаго, О. Я. Ларина, Б. Лебедева (Лондонъ), И. О. Левина, кн. Г. Е. Львова, чл. Г. Д. Н. Н. Львова, проф. П. И. Люблинскаго, чл. Г. Д. В. А. Маклакова, чл. Г. Д. М. М. Новикова, В. П. Обнинскаго, Н. А. Окунева, Б. С. Ортыкина, В. Д. Плетнева, проф. А. Е. Присяжкова, Д. Д. Протопопова, А. М. Ремизова, Н. Н. Римской-Корсаковой, А. Н. Римскаго-Корсакова, Русина (Константинополь), А. Н. фонъ-Рутцена, А. М. Рыкачева, Бориса Садовскаго, А. П. Семенова-Тяншанскаго, М. А. Славинскаго, проф. С. И. Созонова, А. А. Стаховича, Любови Столицы, П. Б. Струве, В. С. Стровой, кн. Евг. Трубецкаго, А. В. Тырновой (Вережскій), И. Федорова (Брюссель), Е. А. Флейшицъ, С. Л. Франка, чл. Гос. Думы М. В. Челюкова, А. Чернаго (Саши Чернаго), И. М. Черногорова (Берлинъ), В. Ф. Шимарева, Г. Н. Штильмана, К. М. Шумскаго, Justus (Собіа), Вл. Юнгера, С. П. Яремича, проф. Л. Яснопольскаго и мн. др.

Подписная цѣна съ доставкой:

на 12 м.—9 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—2 р. 75 к., на 1 м.—1 р. При подпискѣ на годъ съ 1-го января допускается разсрочка: при подпискѣ—4 руб., къ 1-му апрѣля—3 руб., и къ 1-му августа—2 руб.

Для сельскихъ учителей и священниковъ, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ при непосредственномъ обращеніи въ Главную Контору подписная цѣна понижена: на 12 м.—7 р. 20 к., на 6 м.—4 р., на 3 м.—2 р. 25 к., на 1 м.—80 к. Допускается разсрочка: при подпискѣ—3 р. 20 к., къ 1-му апрѣля—2 р. 50 к. и къ 1-му августа—1 р. 50 к.

Пробный номеръ высылается БЕЗПЛАТНО.

Адресъ Главной Конторы: СПБ., Троицкая ул., д. 15—17. Тел. 121-54.

Адресъ редакціи: СПБ., Троицкая, 15—17. Тел. 121-44.

Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, Русмолва.

КРАХЪ ГИГИЕНИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ!!

(Бесѣда съ профессоромъ Бехтеревымъ).

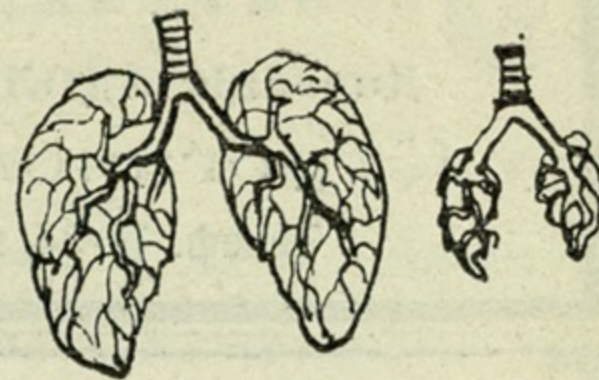
— Выставка имѣетъ одинъ страшный пробѣлъ,—сказалъ намъ уважаемый ученый,—сейчасъ поясню... Однажды путешествуя по Огненной землѣ попалъ я въ деревню, жители которой поразили меня своимъ необыкновеннымъ видомъ.

Это были высокіе, могучіе красавцы и красавицы, прекрасно сложенные, съ честными, открытыми, добрыми лицами. Счастье, покой и довольство царили въ этомъ земномъ раю. Всѣ только и думали, какъ бы угодить другъ другу,—дѣти ухаживали за стариками, жены за мужьями и т. д. Дома ихъ были прекрасной архитектуры, сады великолѣпны.

Я былъ страшно пораженъ видомъ этихъ людей, т. к. другіе дикари казались настоящими обезьянами. Но еще болѣе я поразился, когда увидаль у вождя истрепанный № „Новаго Сатирикона“. Оказывается, что буря разбила корабль, везшій ящикъ съ

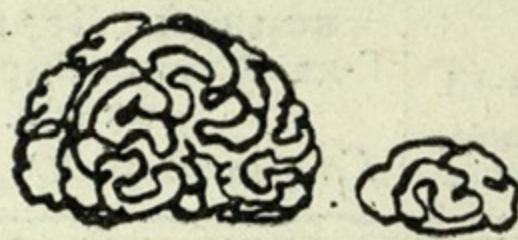
„Новымъ Сат.“, который и попалъ къ дикарямъ. Теперь мнѣ многое стало ясно! Исслѣдованія только сильнѣе убѣдили меня. Да, эти люди испытали на себѣ животворящее вліяніе смѣха!!

Исслѣдованія дали такіе результаты: 1) Диаграмма при смѣхѣ давить на желудокъ, заставляя его лучше работать. 2) Кровообращеніе въ легкихъ происходитъ сильнѣе. 3) Мозгъ, обильно орошаемый кровью, имѣетъ

выраженную линію Брока и много сѣраго вещества. Я уже не говорю о прекрасномъ строеніи скелета и мышцъ.

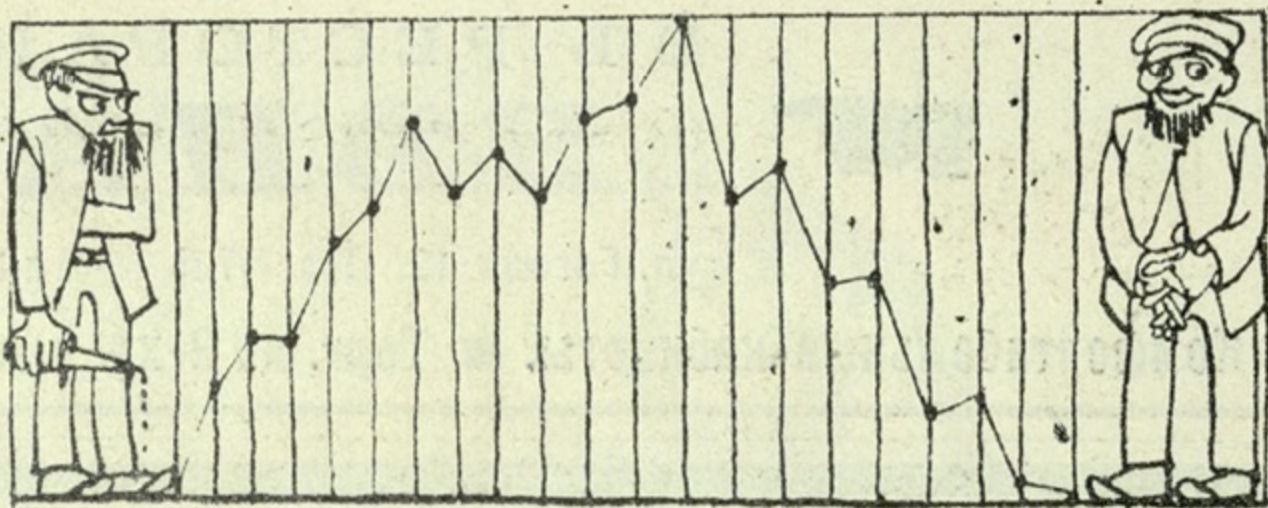
И что же? Какъ я ни искалъ на выставкѣ витрину съ этимъ удивительнымъ лѣкарствомъ, создавшимъ такую прекрасную породу людей, я не нашель его. Да! стыдно сказать, я не нашель тамъ

витрины „Новаго Сатирикона“.

Я хлопоталь, я просиль, я даже угрожалъ, но... но вѣдь вы знаете нашу инертность... Ужасно, ужасно!—закончилъ профессоръ нашу бесѣду и грустно поникъ головой.

Съ тягостнымъ ощущеніемъ сдѣланной кѣмъ-то неоправимой ошибки ушли мы отъ г. Бехтерева.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 2-е ПОЛУГОДИЕ

на журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Въ годъ 52 №№ еженедѣльнаго литературно-художественнаго, богато иллюстрированнаго журнала **Сатира и Юмора**.

НѢКОТОРЫЕ №№ ПЕЧАТАЮТСЯ ВЪ ДЕВЯТЬ КРАСОКЪ.

Журналъ выходитъ при ближайшемъ участіи **Аркадія Аверченко, Радакова, П. В. Ремизова (Ре-Ми), А. Юнгера и А. Яковлева**, а также при участіи всего состава прежнихъ сотрудниковъ.

Издатель — Т-во „Новый Сатириконъ“ въ лицѣ представителя **А. Т. Аверченко**.
Редакторъ **Аркадій Аверченко**.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ (безъ доставки) 6 р. Съ пересылкой и доставкой 6 р. 50 к.,
полгода 3 р. 25 к., 3 мѣс. 1 р. 75 к., 1 мѣс. 60 к.

Цѣна № въ розничной продажѣ 15 к.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Въ „Синемъ Журн.“ читаемъ:
 Въ Стокгольмѣ, столицѣ далекой Швеціи, собрался всемір-
 ный конгрессъ теософовъ. Присутствуютъ: и знаменитая неумо-
 лимая теософка Елена Петровна Блавацкая.
 Настолько она неумолима, что, волею Божіей тихо скончав-
 шись 26 Апрелья 1891 года,—все таки въ 1913 году не утерѣла
 и прѣехала на сѣздъ.

Чего не сдѣлаешь ради науки.

* * *

„Петербургскій Обзоръ“ рассказываетъ въ „Петерб.
 Газетѣ“ о своемъ знакомомъ, который
 имѣлъ неосторожность поселиться въ санаторіи, возлѣ Вы-
 борга.

Воздухъ прекрасный, но живутъ здѣсь преимущественно одни
 неврасстеники и самый здоровый, человекъ въ этой обстановкѣ
 можетъ спятить съ ума...

Ложась спать, Иксъ имѣлъ обыкновеніе бросать сапоги къ
 дверямъ.

Сначала летѣлъ одинъ сапогъ, затѣмъ—другой...

Однажды къ нему обращается его сосѣдъ.

— Простите, но у меня къ вамъ большая просьба... Я чело-
 вѣкъ больной, раздражительный и т. д.

Однимъ словомъ, рассказанъ извѣстѣйшій анекдотъ изъ ка-
 кого-то нѣмецкаго журнала, обошедшій всѣ отрывные кален-
 дари—о жильцѣ, который раздѣлся, бросилъ въ уголъ сначала
 одинъ сапогъ, а потомъ, вспомнивъ о своемъ нервномъ сосѣдѣ,

другой сапогъ поставилъ потихоньку и, улегшись спать, черезъ
 два часа услышалъ крикъ:

— Да скоро ли вы бросите второй сапогъ?! Я измучился,
 ожидая этого стука.

Съ другимъ знакомымъ Петербургск. Обзоръвателя произо-
 шелъ еще болѣе изумительный случай:

Жилъ онъ на дачѣ возлѣ Выборга, и вдругъ пошелъ дождь...
 Шелъ сорокъ дней, сорокъ ночей. Знакомый Обзоръвателя—
 нечего дѣлать—построилъ изъ дерева ковчегъ, взявъ по семи
 паръ животныхъ чистыхъ, по семи нечистыхъ—и поплылъ. По-
 томъ выпускалъ голубя; потомъ на какой то горѣ остано-
 вился.

Вообще, случай прелюбопытный.

* * *

„День“ напечаталъ удивительную исторію объ убійствѣ въ
 Ригѣ стариковъ Акментиныхъ...

Вотъ что рассказывалъ одинъ свидѣтель:

Изъ любопытства я пріоткрылъ ставень и увидѣлъ, что въ
 кухнѣ за столомъ сидѣли убитый Акментинъ и владѣлецъ пив-
 ной лавки Ровинъ. На столѣ стояла бутылка водки, и оба они
 мирно разговаривали.

Мертвый человекъ, пьющій со своимъ убійцей водку—это
 возможно только въ нашей пьяной Россіи. Вотъ, г. министръ
 финансовъ, до чего довела народъ казенная монополія!!

Редакторъ А. Т. Аверченко.
 Издатель Т-во Н. Сатириконъ.

Аркадій Аверченко.

Круги по водѣ.

Изданіе шестое, богато иллюстрировано.

Иллюстр. художниковъ Н. Герардова, В. Лебедева, А. Рада-
 кова, Ре-Ми, А. Юнгера, А. Яковлева и др. Съ портретомъ
 автора. Обложка художника Ре-Ми. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Веселыя устрицы.

Изданіе пятнадцатое.

Съ портретомъ автора. Обложка работы художника Ре-Ми.
 Цѣна книги въ переплетѣ 1 руб. 10 коп.

**Разказы для выздоравли-
 вающихъ.**

Изданіе пятое. Обложка работы
 художн. А. Юнгера. Цѣна 1 р. 25 к.

Театральная библіотека.

СБОРНИКЪ ОДНОАКТНЫХЪ ПЬЕСЪ.

8 пьесъ репертуара столичныхъ и провинціальн. кабаре
 и театровъ миниаторовъ. Въ изящной обложкѣ работы
 художника С. Чехонина. Цѣна 2 руб.

МИНИАТОРЫ и МОНОЛОГИ ДЛЯ СЦЕНЫ.

Цѣна 2 руб.

Складъ изд.: Контора „Н. Сатириконъ“, Невскій, 98.

„ПРАНА“ СПАРКЛЕТЪ-СИФОНЪ!

для немедленнаго, постоянно свѣжаго
 САМОИЗГОТОВЛЕНІЯ ВСѢХЪ УГЛЕКИ-
 СЛЫХЪ ОСВѢЖАЮЩИХЪ НАПИТКОВЪ,
 КАКЪ СОДОВАЯ ВОДА, ЛИМОНАДЪ,
 ШИПУЧИЯ ВИНА и пр.

ОЧЕНЬ ПРАКТИЧНО и УДОБНО

для города, дачи и курорта, а также на
 всѣхъ путешествіяхъ, въ случаѣ надобно-
 сти постоянно готово для употребленія

!! Одна прсба убѣдить !!

Можно получать въ
 аптекахъ, аптекарск.
 и спортивныхъ мага-
 зинахъ и въ лучшихъ
 маг. хозяйственныхъ
 принадлежностей.

ГЛАВНОЕ
 ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО:

для Петербурга Гронмейеръ и
 Траутшольдъ, Гороховая, 20. Москва:
 Э. Брабетцъ, В. К. Феррейнъ,

Р. Келеръ и К^о. Харьковъ: І. Александръ, Николаевская
 площ., Кіевъ: Э. Брабетцъ, Крещатикъ, 44. Екатеринбургъ
 и Одесса: П. Аркаловичъ, Одесса: Хоблевская 36. Рига:
 Гуго Герм. Мейеръ. Варшава: В. Х. Кремки, Іерусалимская
 аллея, 23. Для Дальняго Востока: І. І. Чуринъ и К^о.
 Москва. Финляндія: Г. Ф. Штокманъ, Торговый Домъ,
 Гельсингфорсъ.

НИКАКІЕ АКЦІИ и ПАИ

никогда не дадутъ Вамъ того барыша, какой могутъ дать

ПАИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ЛОТЕРЕИ

ГЛАВНЫЙ ВЫИГРЫШЪ

75.000 руб.

Розыгрыши производятся
 ЕЖЕМѢСЯЧНО въ Варшав-
 ской Конторѣ Государствен-
 наго Банка. Начало розыгры-
 шей 25-го іюля (ст. ст.)

Паи на всѣ 5 классовъ:

1/8 билета . . . 12 руб.
 1/10 „ . . . 10 „
 1/20 „ . . . 5 „

Можете пока прислать: за
 1/8 бил. 2 р. 50 к., за 1/10 бил.
 2 р. 10 к., за 1/20 бил. 1 р. 10 к.
 Остальныя деньги уплатите
 такими же суммами въ авг.,
 сентябрь, октябрь и ноябрь.

Можете участвовать въ одномъ только розыгрышѣ 25 и
 26 Іюля по цѣнѣ: Цѣлый или 3/4 бил. 8 р., 2/4 бил. 4 р.,
 1/4 бил. 2 р., 1/8 бил. 1 р.

Тиражныя таблицы высыл. бесплатно. — Почтов. расходы за
 нашъ счетъ. Деньги можно присылать и почтовыми марками
 въ заказномъ письмѣ. Выигрыши уплачиваются немедленно
 по мѣсту жительства кліентовъ

ВАРШАВСКОЕ АГЕНТСТВО МОСКОВСКАГО БАНКИРСКАГО ДОМА
В. Н. ФИЛИПЧЕНКО и К^о Варшава, Новгородская, 18.
 Тел. адр.: „Гаршава Банкдомъ“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на второе полугодіе (съ 1-го іюля по 1-ое января)
 на еженедѣльный

литературно-художественный журналъ

„Жизнь“.

Во второмъ полугодіи будутъ помѣщены, между прочимъ,
 произведенія слѣдующихъ авторовъ: А. И. Купринъ „Ежъ“
 разск., А. Каменскій „Мой гаремъ“ разск., А. Гринъ „Дѣзи“
 разск., Полярный „Споръ“ разск., Тавричанинъ „Книга
 великаго хамства“ статья, А. Заринъ „Кровавыя страницы“
 статьи со многими кошмарными фотографіями, Георгій
 Ляндау „Клопъ“ и „Черный паукъ“ разск., Бродовскій
 „Именины“ (съ польскаго для „Жизни“) разск.

Подписная цѣна съ 1-го іюля по 1-ое января 1 р. 50 к.
 (годовая подписка 2 р. 50 к.).

Цѣна отд. № 5 к. Продажа всюду.

Изданіе Агц. 0-ва „АНОНСЪ“ МОСКВА,
 Б. Лубянка, 20.

Во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала
 просятъ полугодовыхъ подписчиковъ внести плату
 не позднѣе 1-го іюля.

3-85
157/11/387

СУРРОГАТЪ ПИТАНІЯ.

— Ну, дѣтки, если вы не будете шалить, я вамъ прочту въ обѣденное время двѣ лучшихъ страницы изъ поваренной книги...